

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Сборник статей

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1984

Сборник продолжает серию коллективных работ по изучению истории социалистических учений. В нем анализируются актуальные теоретические аспекты изучения социалистической мысли и вклад советских исследователей в разработку этой тематики, столь важной в условиях современной идеологической борьбы. Среди материалов сборника также статьи о мыслителях, которые почти не изучались или изучались мало (Ч. Холл, Р. Саути и др.).

Редакционная коллегия:

Г. А. БАГАТУРИЯ, Л. И. ГОЛЬМАН,
А. А. ИСКЕНДЕРОВ (ответственный редактор),
Н. Ю. КОЛПИНСКИЙ, Г. С. КУЧЕРЕНКО,
В. Л. МАЛЬКОВ, А. Э. ШТЕКЛИ

Веб-публикация: *Vive Liberta, 2011-2013*

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

А. Э. Штекли	«Крестьянская война в Германии» Энгельса и изучение утопического коммунизма	3
И. Н. Шиканян	Корреспондентская работа Энгельса в «Нор-верн стар»	19
К. М. Андерсон	Оуэнисты и радикалы	39
В. В. Согрин	Революция XVIII века и оформление эгалитарной мысли в США	62
Г. С. Кучеренко	Об изданиях трудов Сен-Симона	81
М. Н. Соколова	Рейбо — историк утопического социализма	97
И. Н. Осинковский	Томас Карлейль и утопический социализм (к постановке проблемы)	118
Э. И. Валлич	Проблема нищеты в английской публицистике конца XVIII в.	142
Т. А. Павлова	Джерард Уинстэнли о путях перехода к новому строю	167
Л. С. Чиколина	Кампанелла в публикациях XVII в.	187
О. Ф. Кудрявцев	Идеал ученого сообщества в итальянских академиях XV—XVII веков и утопии	220
Д. В. Панченко	Кампанелла и «Утопия» Томаса Мора	241
С. А. Гаврильченко	Новая литература о Томасе Мюнцере в ГДР (1970—1980 гг.)	252

ПУБЛИКАЦИИ

Теодор Дезами и проспект журнала «Коммюнотер». Пер. с фр. и вступ. ст. С. М. Назаровой.	265
Письмо Томаса Мора Джону Колету. Пер. с латин. и примеч. В. Ф. Балакина; вступ. ст. А. Э. Штекли	277

Раздел библиотеки
История идей: "от утопии к науке"
<http://istmat.info/node/29200>

Потолок, закоптелый от табачного дыма. Неимоверных размеров камин. Длинные столы. Распатанные, разномастные стулья. Дешевые литографии на стенах. Пол, посыпанный песком. Тусклый свет газового рожка. Незамысловатое убранство «залы» большинства лондонских трактиров, едва ли восполнимое витиеватостью вывесок «Георг и ястреб», «Корона и якорь», «Золотой крест», «Корона и свиток» и т. д. Славилась она не столько как заведения значные, сколько как пристанища всевозможных обществ и объединений. Привязанность человека к той или иной таверне или кофейне весьма точно говорит о его убеждениях и симпатиях. Правда, к началу прошлого века клубы изрядно потеснили таверны, став местами встреч единомышленников. Но и в стенах таверн все еще происходило немало событий, захватывающих и важных.

В полдень 14 августа 1817 г. в таверне «Лондонское Серти» встретились учредители Ассоциации для облегчения положения бедных, о чем накануне лондонцев предупредили газетные объявления. Все вершилось в строгом соответствии с британским обычаем: прежде всего избрали председателя собрания, затем последовали речи ораторов. Ни в процедуре заседания, ни в месте его проведения, ни в названии общества, сложившемся с названием сотен благотворительных организаций, не было ничего примечательного. Тем не менее встреча заслуживала внимания: впервые в истории Англии в открытии спор вступили люди, олицетворявшие два направления общественной мысли — утопический социализм и радикализм. Роберт Оуэн во всем величии своей славы: нью-леппаркского филантропа и цвет лондонских реформаторов — Т. Престон, Р. Торренс, А. Тистльвуд, Г. Гент, Р. Вулер. Несмотря на взаимные уверения в симпатии, обе стороны испытывали заведомое предубеждение друг против друга. Оуэн казался его оппонентам личностью, «запятнанной» дружбой и покровительством реакционных министров, опи ему — по меньшей мере, безумцами, разжигающими нездоровые страсти невежественной толпы. Читая отчеты о дискуссии, поддаешься впечатлению, будто спорящие говорили на разных языках, не слишком пытаясь понять собеседника. Оуэн убеждал в бессмысленности и даже вредности парламентской реформы, его противники — в бессмысленности и даже пагубности для народа его плана. Оуэн ратовал за общественное устройство, не ведающее частной собственности. Реформаторы в большинстве своем считали ее как свя-

тыню. Лишь немногие радикалы, приверженцы учения Т. Спенса, отнеслись к Оуэну с известным сочувствием. Но не они задавали тон в движении за реформу¹.

Собрание было настолько бурным, что в нарушение традиции председателю не вынесли благодарности. Случай для английских диспутов почти немислимый! Вторая встреча, а она состоялась ровно через неделю, закончилась так же. Дискуссия перешла на страницы газет. Реформаторы не поспешили на едкие слова в адрес Оуэна. Он вопреки своей легендарной доброжелательности отплатил им тем же. «Господа, которые на собраниях возражали против моего плана (и к коим, однако, я не питаю нерасположения), — говорилось в его письме, опубликованном 10 сентября 1817 г., — наверняка и не подозревали, что я желал узнать мнение людей необразованных, ничего не смыслящих в мероприятиях, предназначенных для их же пользы и блага. Нет! До тех пор, пока им не привьют лучших привычек и они не станут разумными и просвещенными, от их советов в подобных делах не будет никакого проку»². Спор двух мировоззрений приобретал оттенок обоюдных обвинений личного порядка и не оставлял надежд на взаимопонимание.

Прошло немногим более десяти лет. В апреле 1830 г. Оуэн, вернувшись в Англию после неудачи «Новой Гармонии», вновь выступает в том же зале. Но он — уже не одинокий проповедник, а духовный наставник десятков тысяч своих соотечественников. Общества его последователей, именующих себя коммунистами (от английского слова «community» — община), по чаще кооператорами (от co-operation — сотрудничество), действуют по всей стране. Идеи Оуэна отстаивают многие даровитые публицисты; оуэнистская пресса пользуется немалым успехом; влияние оуэнизма все прочнее утверждается в тред-юнионизме. Да и сама теория, переосмысленная и дополненная учениками, звучала теперь иначе, чем в 1817 г. Трудящиеся — творцы земных благ — провозглашались людьми, призванными переустроить общество на началах социального равенства.

Оуэнистское движение стало влиятельной силой, с которой приходилось считаться вождям радикалов. Лидер Бирмингемского политического союза Т. Атвуд проявляет неожиданную любознательность, желая глубже вникнуть в учение Оуэна, и являю стремится заручиться его поддержкой³. Джозеф Юм, парламентарий-радикал, объявляет во всеуслышание, что он «уже долгие годы является кооператором»⁴. Однако на отношениях двух движений словно лежит отпечаток далеких августовских дебатов в таверне «Лондонское Сити». Обособленность, противостояние и в редчай-

ших случаях соприкосновение. Исключения притягательны своей необычностью, и, видимо, в этом одна из причин повышенного интереса историков к деятельности Национального союза трудящихся и иных классов (National Union of Working Classes and Others). Эта организация весьма своеобразна. Ее основатели вышли из среды оуэнистских активистов, но принадлежали к левому крылу радикалов. Ни одна другая газета не вела столь резкой полемики с оуэновским «Кризисом», как печатный орган союза «Пуар мэн гардиан». И в то же время «Пуар мэн гардиан» отстаивал многие положения оуэнизма с не меньшим рвением, чем «Кризис». Союз был прямым преемником оуэнистской Ассоциации по распространению кооперативных знаний и непосредственным предшественником Лондонской ассоциации рабочих — первой чартистской организации.

Союз возник на перепутье радикализма и оуэнизма. Это открывает перед исследователем большие возможности, ибо все аспекты взаимоотношений двух движений проявляется наиболее рельефно и зримо. Но то же обстоятельство создает немалые трудности. Кем были ротондисты (название, обязанное своим происхождением «Ротонде» — зданию, где собирались члены союза)? Оуэнистами? Радикалами? Некоторые авторы считают их радикалами, признавая, впрочем, наличие в их воззрениях определенных следов оуэнизма⁵. Другие предлагают компромиссное решение, именуя их «социалистами политическими»⁶, или «парламентско-демократическими»⁷. Но в обоих определениях на первый план выступает противопоставление ротондистов оуэнистам, которое еще более усиливается, когда речь заходит об особенностях, отличающих Союз от оуэнистских обществ. Согласно А. Мерену, он является «первой в истории социалистической рабочей партией»⁸. Большинство историков менее категорично. Однако и М. Бер считал ротондистов первыми пропагандистами классовой борьбы, в отличие от сторонников классового мира — оуэнистов⁹. Близкой точки зрения придерживается Б. А. Рожков, в вольном переводе которого организация именуется «Союзом рабочего класса» и противопоставляется «связанным с буржуазией оуэнистам»¹⁰. Таким образом, в историографии расхождения между оуэнистами и ротондистами явно перевешивают их близость. Они оказываются по разную сторону барьера, а полемическая дуэль между «Кризисом» и «Пуар мэн гардиан» предоставляет материал для суждений о взаимоотношениях, а точнее, противоборстве,

⁵ См.: *Podmore F.* Op. cit.; *Harrison J. F.* R. Owen and the Owenites in Britain and America. L., 1969.

⁶ *Шлюгер Г.* Чартистское движение. М., 1925, с. 75.

⁷ *Бер М.* История социализма в Англии: В 2-х т. М.; Пг., 1923—1924. т. 2, с. 339.

⁸ *Мерен А.* Социализм в Англии. СПб., 1898, с. 66.

⁹ См.: *Бер М.* Указ. соч., т. 2, с. 305, 306.

¹⁰ *Рожков Б. А.* Идеиная борьба между оуэнистами и чартистами. — В кн.: История социалистических учений. М., 1962, с. 263.

¹ Подробнее см.: *Черняк Е. Б.* Демократическое движение в Англии, 1816—1820. М., 1957.

² *Owen R.* Life of R. Owen, written by himself: Vol. 1 — 1A. L., 1847—1858, vol. 1A, p. 119—120.

³ *Podmore F.* R. Owen: A Biography. L., 1923, p. 430.

⁴ 3rd Congress of Co-operators: Report. L., 1832, p. 55.

радикалов и оуэнистов в целом. Концепция складывается убедительная, но не слишком ли односторонняя?

Подобное представление во многом опирается на свидетельства Уильяма Ловетта. К его мемуарам¹¹ обращаются всякий раз, когда затрагивается вопрос об оуэнизме и рабочем движении, в частности радикальном. Действительно, воспоминания Ловетта — незаменимый источник для любого исследователя общественных движений Англии первой половины прошлого века. За 77 лет жизни (родился в 1800 г.) Ловетт состоял во множестве организаций. В 1828 г. он вступил в Лондонскую кооперативную ассоциацию, год спустя стал секретарем Британской ассоциации по распространению кооперативных знаний, затем — секретарем Банка честного обмена труда, одним из руководителей Фонда жертв закона о печати, организатором Национального союза трудящихся и иных классов, членом Лондонской ассоциации рабочих. И это только в течение семи лет! Многие общества, равно как и события, известны нам только по воспоминаниям Ловетта. Простой, лишенный малейшей вычурности слог, подкупающая откровенность автора, обращение к подлинным документам создают впечатление особой надежности этого источника, вышедшего из-под пера очевидца зоркого и беспристрастного.

О людях, близких ему, Ловетт отзывался порой чуть проницательно, порой с уважением, но всегда доброжелательно. На этом фоне шокирующие карикатурным выглядит образ Оуэна¹². Его Оуэн — вздорный, взбалмошный человек, с явными замашками диктатора, начисто лишенный величия мудрости и доброты. Казалось бы, нет повода подозревать Ловетта в предвзятости. Он не скрывает своей приверженности оуэнизму, да и сама его роль в оуэнистском движении не позволяет усомниться в этом. Но прочтем еще раз признание Ловетта, цитируемое во многих работах. «*Должен сознаться (confess) (курсив мой. — К. А.), я был одним из тех, на кого одно время производили благоприятное впечатление многие взгляды господина Оуэна, в особенности касающиеся обобществления собственности*»¹³. Выделенные слова в большинстве исследований не приводятся¹⁴. И фраза, звучащая как извинение за мимолетную слабость, превращается в гордое утверждение. А сколь красноречива реплика Ловетта о Петри, его сподвижнике по Союзу: «Бедный малый, он во всем соглашался со своим братцем Оуэном»¹⁵.

Оуэн и все, с ним связанное, несомненно, раздражает Ловетта. Но почему? Виною ли тому личная обида? Или пелегкий ха-

рактик английского социалиста? В своей книге Ловетт дал исчерпывающий ответ, который, впрочем, ускользнул от внимания историков. «Я утратил веру в „общность имущества“, — пишет он, — я полагаю ее несправедливой, противоестественной и порождающей деспотические устремления, жертвующей духовной энергией и нравственными достоинствами немногих во имя праздности, невежества и тираннии многих»¹⁶. Беднейший поденщик, продолжает он, «собенный трудом и нищетой, имеет основания возблагодарить индивидуализм, дающий ему некоторую свободу выбора и шанс поправить свой удел, в отличие от сообщества, сковывающего его во всем»¹⁷.

Воспоминания Ловетта об Оуэне, безусловно, искренни. Но, как и у многих мемуаристов, его память отражает мысли и чувства не столько прошлого, сколько настоящего. Ловетт работал над книгой более 30 лет и закончил ее в 1874 г., будучи уже стариком. Увлечения молодости представляли в ином свете по мере того, как в нем крепла вера в благотворность капитализма. Оуэнистская пора жизни казалась все более далекой и чуждой, а Оуэн — олицетворением принципов, противных его нынешнему мировоззрению. Видимо, поэтому Ловетт повествует об оуэнистском движении скупно, бегло, словно стремясь как можно быстрее покончить с неприятным эпизодом своей биографии. И разве не естественно, что не сотрудничество, а противоборство своих товарищей по Союзу с Оуэном вспоминалось ему в первую очередь и, быть может, несколько преувеличивалось?

Подобно большинству авторов, писавших и пишущих об оуэнизме, Ловетта завораживает личность Оуэна. Бесспорно, Оуэн был человеком, настолько незаурядным, самобытным и ярким, что невольно затмевал своих менее выдающихся последователей. Не потому ли во многих работах оуэнизм (как течение общественной мысли) отождествляют со взглядами самого Оуэна, его личные симпатии и антипатии — с позицией его сторонников, которые на страницах монографий нередко обезличиваются, превращаются в неких абстрактных «оуэнистов». Но ведь за этим словом стоят вполне реальные люди — может быть, не столь талантливые, как их учитель, но самостоятельно мыслящие, а не покорные подражатели. Воздавая должное Оуэну, они были далеки от преклонения перед ним. «Оуэн — человек, а не принцип»¹⁸. В этих словах Томаса Макконела, одного из самых деятельных пропагандистов оуэновских идей, выражена суть отношения оуэнистов к своему вождю. Видимо, в изображении оуэнистов как послушной паствы Оуэна коренятся истоки весьма упрощенного представления об их взаимоотношениях с Национальным союзом. Разумеется, было бы неверным отрицать серьезные расхождения между Ротондой и оуэновским Институтом. Но ограничиваясь

¹¹ Lovett W. Life and Struggles of W. Lovett in his Pursuit of Bread, Knowledge and Freedom: Vol. 1. 2. N. Y., 1920.

¹² См.: Lovett W. Op. cit., vol. 1, p. 49.

¹³ Ibid., p. 44—45.

¹⁴ Б. А. Рожков (на наш взгляд, не совсем точно) перевел «благоприятное впечатление» как «благотворное влияние» (Рабочее движение Великобритании XIX—XX вв. М., 1979, с. 26).

¹⁵ Lovett W. Op. cit., vol. 1, p. 51.

¹⁶ Ibid., p. 45.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Crisis, 1833, Febr. 2.

только ими, не обедняем ли мы тем самым историю и оуэнизма, и радикализма, и в конечном счете чартизма, поскольку полемика ротондистов и оуэнистов была прологом дискуссий чартистов и социалистов 40-х годов XIX в.

Думается, будет вполне оправдано, если в предлагаемой статье мы обратим внимание прежде всего на то, что сближало, а не разъединяло оуэнистов и радикалов, и по возможности попытаемся одушевить эти обобщающие понятия судьбами, мыслями и делами конкретных людей, хотя бы и не оставивших сколь-нибудь заметного следа в истории.

В летописи Национального союза немало пробелов. Даже в его происхождении многое остается неясным. На этот счет существуют разноречивые мнения. Б. А. Рожков полагает, что Союз основан в марте 1831 г. «широким активом», сложившимся вокруг «Пуар мэи гардиан»¹⁹. Э. Томпсон считает, что он возник в 1830 г. как ответвление Ассоциации за гражданскую и политическую свободу, возглавляемой Д. О'Коннелом²⁰. Г. Шлютер и М. Бер предлагают иную версию: в марте 1831 г. учреждается Столичный союз производств, который в мае-июне того же года преобразуется в Национальный союз трудящихся и иных классов²¹. Ф. Подмор дополняет эту схему еще одним звеном — Британской ассоциацией по распространению кооперативных знаний, предтечей Союза производств²².

Чья же точка зрения ближе к истине? Предположение Томпсона — чисто умозрительное и не подтверждается документальными источниками. Концепция Бера—Подмора—Шлютера, опирающаяся на мемуары Ловетта, выглядит более достоверно. И все же обратимся к истории вероятных предшественников Союза.

Британская ассоциация была создана весной 1829 г. как дочерняя организация одного из старейших оуэнистских объединений — Первого Лондонского кооперативного общества²³. Его участники совместно вели торговлю, прибыль от которой должна была пойти на устройство общины, и пропагандировали учение Оуэна. В последнем занятии они преуспели гораздо больше, нежели в первом. Их диспуты с буржуазными экономистами в газете «Корона и свиток» проходили при огромном стечении народа. Их орган «Коуперейтив мэгэзин» долгое время был единственным в Англии оуэнистским изданием. К нему тянулись последователи Оуэна со всех концов страны, и в конце 20-х годов журнал, а стало быть, и Лондонское общество, были центром зарождающегося движения. По мере того как росло число оуэнист-

ских объединений²⁴, все сложнее становилось сочетать экономическую деятельность с пропагандистской. Требовалось общество, взявшее на себя распространение оуэнизма, или, как тогда говорили, «кооперативной системы Оуэна». Так и возникла Британская ассоциация. Она публиковала брошюры, посылая в турне «социальных миссионеров», устраивала лекции и «общественные чаепития». Ассоциация пополнялась новыми людьми, и к 1830 г. в ней состояло 308 человек²⁵.

Если ассоциация была связана с «кооперативными» обществами, то Столичный союз производств, как явствует из названия, — с тред-юнионами. Его история такова. После отмены в 1824 г. антирабочего законодательства, тред-юнионистское движение быстро набирает силу. Сталкиваясь с организованным сопротивлением хозяев, рабочие убеждались в необходимости единства трудящихся. Приблизительно в 1825 г. лидеры ряда лондонских тред-юнионов начали проводить встречи, обсуждая совместные действия. Образовался Столичный комитет производств. В конце 20-х годов комитет, выпускавший собственную газету, но не имевший ни единого руководства, ни общей программы, распался. Однако стремление к сплочению трудящихся не иссякло. В марте 1831 г. по инициативе лондонских столяров был создан Столичный союз производств²⁶. Он продолжил дело, начатое комитетом, попытавшись слить в одну организацию все лондонские тред-юнионы и наладить сотрудничество с другими объединениями тред-юнионов, в частности с Национальной ассоциацией защиты труда Джона Догерти²⁷.

Итак, Ассоциация и Столичный союз возникли независимо друг от друга. Которая же из организаций послужила фундаментом Национальному союзу? Сопоставим некоторые даты. Национальный союз был образован в конце марта — начале апреля 1831 г.²⁸ Однако летом 1831 г. еще действовали и Ассоциация, и Столичный союз²⁹. Следовательно, не было превращения оуэнистского общества в тред-юнионистское, а затем в радикальное; три организации не сменяли одна другую, но существовали одновременно. Стало быть, они никак не связаны между собой? Связь есть, притом самая непосредственная. Во главе Британской ассоциации и Национального союза стояли практически одни и те же люди: Бендикамен Уорден, Уильям Ловетт, Джулиан Хибберт, Джон Клив, Джордж Фоскетт, Джон Гаст, Джордж Петри, Генри Гетерингтон. Четверо из них: Гетерингтон, Фоскетт, Гаст и Уорден — входили в руководство Столичного союза производств.

¹⁹ Рожков Б. А. Возникновение самостоятельного рабочего движения в Англии, с. 30.

²⁰ Thompson E. P. The Making of the English Working Class. Harmondsworth, 1977, p. 481.

²¹ Шлютер Г. Указ. соч., с. 59; Бер М. Указ. соч., т. 2, с. 320.

²² Podmore F. Op. cit., p. 425.

²³ Оно было создано в 1824 г., в 1829 г. переименовано в Лондонскую кооперативную ассоциацию.

²⁴ В начале 1829 г. в Англии действовало 56 оуэнистских обществ, в конце того же года — 130.

²⁵ Booth A. R. Owen, the Founder of Socialism in England. L., 1869, p. 142.

²⁶ Penny Papers for the People, 1831, Mar. 26.

²⁷ British Working Class Movements: Selected Documents. L., 1951, p. 245.

²⁸ Poor Man's Guardian, 1831, Apr. 23.

²⁹ Ibid., July 2, 30.

Восемь человек состояло сразу в двух организациях, одна из которых насчитывала около 300 участников, другая — более тысячи. Не мало ли оснований для сколь-нибудь серьезных выводов? По-видимому, нет, ибо речь идет не о рядовых членах (о подавляющем большинстве которых почти ничего не известно), а о зачинателях и вождях. Тем не менее работа, причем весьма активная, в обществах, преследующих разные цели, вызывает, по меньшей мере, недоумение. Оно лишь усиливается, когда обнаруживаешь имена этих людей и в списках других организаций. Так, Дж. Хибберт занимал пост казначея Фонда жертв законов о печати, входил в правление Общества по распространению политических знаний³⁰. Членами Фонда являлись У. Ловетт, Дж. Клив, Дж. Петри, Г. Гетерингтон, Б. Уорден. Последний был к тому же председателем гред-юниона шорников³¹.

Подобный образ действий кажется необычным, но, однако, в нем не было ничего из ряда вон выходящего. Ему следовали почти все известные нам лидеры Национального союза. К примеру, в 1832 г. Даффи, будучи членом комитета Союза, попутно состоял в Обществе по распространению политических знаний, оуэновской Ассоциации просвещенных трудящихся классов, Анти-унионистской ассоциации³²; Д. Сэвэдж, помимо членства в оуэновской Ассоциации, участвовал в правлении одного из Рабочих базаров³³; Ф. Френч являлся казначеем Комитета по созданию общины³⁴; Флатер — член лондонского отделения «социальных миссионеров», один из основателей Общества по распространению политических знаний³⁵. Наш перечень можно было бы дополнить именами еще очень многих участников Союза.

Что же двигало этими людьми? Чтобы постичь логику их поступков, попытаемся для начала выяснить, что они собой представляли. Считать их «передовыми английскими рабочими»³⁶ было бы, на наш взгляд, не совсем верно. Правда, в середине мая 1831 г. на одном из первых заседаний Союза Снелгроув настаивал на том, чтобы в комитет Союза избирались только «производители богатств» (по оуэновской терминологии), т. е. трудящиеся³⁷. Как утверждает английский историк С. Гаррисон, предложение отклонили «социалисты-оуэнисты»³⁸. Однако, если верить отчету о собрании, помещенному в «Пуар мэн гардиан», против Снелгроува выступил не кто иной, как Генри Гетерингтон, который в историографии причисляется к самым неприми-

рым критикам Оуэна. Идея Снелгроува была неприемлема для его товарищей по весьма простой причине. Хотя большинство членов Союза зарабатывало на жизнь физическим трудом, далеко не все ротондисты принадлежали к «производительным классам» и не случайно в названии Союза стояло «и других». Б. Уорден владел мастерской; У. Карпентер, Г. Гетерингтон, Д. Уотсон — издатели и книготорговцы; У. Бенбоу и Дж. Клив — владельцы кафе; Ф. Дж. Уэбб — врач; Дж. Хибберт — отпрыск весьма состоятельной семьи, литератор; Д. Б. О'Брайен — сын ирландского виноторговца, выпускник дублинского колледжа «Тринити», журналист; Ф. Френч — клерк; У. Ловетт — кладовщик одного из Рабочих базаров. Состав участников неоднороден. Но и в организациях оуэнистов участвовали коммерсанты (Д. Финч, У. Пэйр), и работники умственного труда (архитекторы С. Уит-уэлл, Э. Уэлч, врач У. Кинг, геолог У. Саул, адвокат Уэйленд), и даже священники (А. Уэйд, Т. Макконелл, Д. Мэрриот, Дани) и отставные офицеры (Д. Скип, Р. О'Брайен, Д. Макдональд). В целом, однако, преобладали ремесленники и рабочие. Оуэнисты и ротондисты принадлежали к одним и тем же социальным слоям, и вряд ли могло быть иначе, поскольку комитет Союза первоначально состоял из представителей лондонских «кооперативных» обществ³⁹.

В судьбах людей, о которых мы ведем речь, есть нечто общее. Все они, за некоторым исключением, не были коренными лондонцами. Одни из них, подобно Ловетту, приехали в Лондон в надежде на заработки. Другие, как О'Брайен, чтобы продолжить образование. Разрастающийся город поглощал пришельцев из всех частей страны. Освоиться в Лондоне им было непросто. Иной уклад, иной ритм, даже иной выговор наделали новоприбывших особой остротой восприятия. А Лондон давал обильную пищу для наблюдений и размышлений. Пожалуй, нигде больше не было столь явного сочетания двух образов жизни — роскоши и нищеты, причем блеск и величие первой лишь усиливали глубину второй. Человек пылкий, к тому же испытывавший на себе бремя бедности и притеснений, невольно задумывался над окружающим его миром. Вот что писал Джон Грей, уроженец Шотландии, о своем пребывании в Лондоне: «Я в течение ряда лет смотрел на Лондон и на его огромное население, как на запутанную проблему, разрешить которую, как бы я этого ни хотел, я едва ли когда-либо смел рассчитывать. Лондон вскоре утратил для меня все свое внушительное величие: мои занятия приводили меня почти еженедельно во все его углы, и таким, как он есть, я узнал его вскоре не хуже других людей. Я увидел, однако, что ничто меня не удовлетворяет и всякая вещь ставит меня в тупик. Что-то неладно, какая-то огромная ошибка имеется среди этой движущейся массы живых существ — таково было мнение, которое вскоре возникло в моем уме для того, чтобы, как я убе-

³⁰ Ibid., Nov. 23; 1832, Mar. 3.

³¹ British Working Class Movements, p. 212.

³² Poor Man's Guardian, 1832, Mar. 3, 17; Crisis, 1832, July 21, Sept. 22.

³³ Ibid., 1832, Mar. 10; Crisis, 1832, July 21, Aug. 25.

³⁴ Report of the Proceedings of the 3rd Congress of Co-operators. L., 1832, p. 85.

³⁵ Ibid., p. 62—63, 90; Poor Man's Guardian, 1832, Mar. 3.

³⁶ Рожков В. А. Идейная борьба между оуэнистами и чартистами. — В кн.: История социалистических учений. М., 1962, с. 261.

³⁷ Poor Man's Guardian, 1831, May 17.

³⁸ Harrison S. Poor Men's Guardians. L., 1974, p. 79.

³⁹ Poor Man's Guardian, 1831, May 27.

дился, никогда его не покинуть»⁴⁰. Подобное ощущение охватывало сотни и тысячи людей, побуждало их задумываться о причинах царящей несправедливости. Обстановка для таких раздумий в Лондоне была: столица жила насыщенной духовной жизнью. Многочисленные литературные и просветительные общества, жаркие споры о политике в кафе и тавернах, парламентская борьба, разворачивавшаяся буквально на глазах, пробуждали многих от спячки.

«Мой разум,—вспомнил Ловетт о своих первых годах жизни в Лондоне,—как был переродился. Во мне заговорили новые чувства, надежды, мечтания, всякую досуемую минуту я посвящал приобретению полезных знаний»⁴¹. Из каких же разделов складывалось образование Ловетта и его сотоварищей? Лекции в «институтах мастеровых» знакомили с физикой, ботаникой, химией. Митинги и газеты радикалов приобщали к политике. Тяжелый труд, борьба с хозяевами, попытки обзавестись собственным, пускай даже мелочным делом, кончившиеся неудачей не только у Ловетта,—все это давало им практическое знание социальных вопросов. Они читали Т. Пэйна и Р. Оуэна, слушали У. Томпсона и У. Коббега, постигая, сколь многолика несправедливость: несправедливо правление Британии, несправедливы фабриканты, несправедливы налоги на прессу, несправедливо положение людей, создающих все богатства земные. И поэтому для простого труженика и интеллигента, принявшего его сторону, восприимчивых к любым проявлениям несправедливости, не было ничего более естественного, чем вступить в противоборство и с политическим притеснением, и с социальным гнетом, и с гонениями на прессу и ратовать за свободу Ирландии.

Создание Национального союза в разгар событий, связанных с Биллем о реформе, который в глазах многих олицетворял собой неприкрытое политическое жульничество, несомненно, было реакцией трудящихся на него. Однако разве нельзя усмотреть в нем признаки раскола, «отпадения рабочих от положительной части оуэнизма»⁴²? Критика в адрес оуэнистов, ведшаяся на страницах «Пуар мэн гардиан», говорит в пользу такой точки зрения. Многие авторы⁴³ приводят ставший почти хрестоматийным отрывок из статьи Генри Гетерингтона: «Что сделали „истинные“ оуэнисты в Лондоне для устранения всех мерзостей, кроме того, что они парализовали благородные старания других своим осуждением политики? Нерон играл на лире, когда горел Рим, и филантропические оуэнисты делают то же самое»⁴⁴. Обвинения более чем серьезные. Допустим, что Гетерингтон выра-

жал мысли всех ротондистов. И все же указанная концепция не объясняет, почему многие из них оставались членами «кооперативных» обществ, участвовали в конгрессах оуэнистов? Быть может, они составляли некую оппозицию ортодоксальным сторонникам Оуэна?

На первый взгляд, Союз отличался от оуэнистских обществ даже своей структурой. Он делился на 24 класса, в каждый из которых входило 30—40 человек. Возглавлял их «классный руководитель» (class-leader). «Классные руководители,—писал Ловетт, сам некогда выполнявший эти функции,—как правило, встречались со своим классом каждую неделю у себя дома. На этих встречах обсуждались политические темы, читались и обсуждались статьи из газет и отрывки из книг о политике»⁴⁵. Подобная система, сообщил полицейский агент Попэй, заимствована у методистов⁴⁶. В этом нет ничего удивительного. Поразительные успехи диссентеров в увеличении численности своей паствы нередко приписывали совершенству форм проповеднической деятельности⁴⁷. Ротондисты не первыми переняли их опыт. Еще в 1821 г. члены Лондонского кооперативного и экономического общества, среди них и Гетерингтон, ввели институт «наставников», которые исполняли те же обязанности, что и «классные руководители»: следили за нравственным и духовным совершенствованием своих подопечных, посвящали в «систему Роберта Оуэна». Подобной практики придерживались и многие другие оуэнистские организации.

В историографии довольно прочно утвердилось представление об оуэнистах как о людях, чуждых политике, сторонниках сотрудничества, и ротондистах как о радикалах и пропагандистах классовой борьбы⁴⁸. Попробуем выяснить, какие цели ставили перед собой члены Союза. А. Л. Мортон и Дж. Тэйт полагают, что их программа была такова: «Истребление злодейской аристократии; создание республики, или иными словами, демократии, осуществляемой представителями, избираемыми всеобщим голосованием; отмена наследственных должностей, титулов и привилегий. Отмена противоестественного и несправедливого права первородства; равное распределение собственности между всеми детьми; дешевое и быстрое осуществление правосудия; отмена законов о браконьерстве; отмена дьявольского палого на газеты, альманахи и другие источники знания; эмансипация наших сограждан-евреев; распространение действия закона о бедных на Ирландию; отмена смертной казни за посягательство на собственность; передача доходов „отцов церкви“ — епископов на содержание бедных; содержание всех церковнослужителей за счет прихожан. Государственный долг не является долгом нации. Рос-

⁴⁰ Грей Дж. Социальная система.— Соч. М., 1955, с. 234.

⁴¹ Lovett W. Op. cit., vol. 1, p. 36.

⁴² Бер М. Указ. соч., т. 2, с. 306.

⁴³ См.: Рожков Б. А. Идеиная борьба между оуэнистами и чартистами.— В кн.: История социалистических учений. М., 1962, с. 265; Рогштейн Ф. А. Очерки по истории рабочего движения в Англии. М.; Л., 1925, с. 122.

⁴⁴ Poor Man's Guardian, 1832. Jan. 14.

⁴⁵ Lovett W. Op. cit., vol. 1, p. 69.

⁴⁶ Cobbet's Weekly Political Register. 1833. Aug. 17.

⁴⁷ См.: Андерсон К. М. «Беседы» Роберта Саути.— В кн.: История социалистических учений. М., 1981, с. 171, 172.

⁴⁸ Бер М. Указ. соч., т. 2, с. 317.

пуск армии, этого орудия деспотизма; создание национальной гвардии»⁴⁹.

Действительно, данные требования не имеют ничего общего с оуэновским планом, зато поразительно похожи на знаменитые «14 предложений» У. Коббета⁵⁰. Приведенный документ мог бы служить неоспоримым доказательством разрыва Союза с оуэнизмом, если бы не одно обстоятельство. Это была не программа Союза, а статья Генри Гетерингтона, написанная под несомненным впечатлением от «предложений» Коббета, обнародованных незадолго до этого⁵¹. Программные же документы Союза «Декларация...» и «Задачи Союза» — опубликованы в мае 1831 г. Думается, они представляют большую ценность, нежели статья Гетерингтона, поскольку в них выражено единое мнение участников Союза, хотя бы и компромиссное. Образцом для первого документа послужила, вероятно, американская Декларация независимости. Один из первых пунктов «Декларации Союза» гласил: «Все люди рождены в равной степени свободными и наделены определенными естественными и неотъемлемыми правами»⁵². Эта аксиома радикализма помещалась рядом с аксиомой оуэнизма: «Труд — источник всех богатств». В таком сочетании, пожалуй, и отразилось своеобразие Союза. Важнейшие идеи радикализма — всеобщее избирательное право, отмена имущественного ценза и сословных привилегий — в декларации предстают как отвечающие потребностям трудящихся классов.

В «Задачах Союза» требования трудящихся выражены еще отчетливее. В них говорится: «Предоставление каждому рабочему человеку, не притесняемому несправедливыми и порочными законами, полной стоимости его труда и свободного распоряжения продуктами своего труда; поддерживать, если того потребуют обстоятельства, всеми честными средствами любое справедливое и разумное сопротивление объединений рабочих против сговора и тирании хозяев и фабрикантов ... добиться для нации действенной реформы Палаты общин: основой указанной реформы должны стать годичный срок действия парламента, предоставление права голоса каждому совершеннолетнему мужчине, тайное голосование и, особенно, отмена имущественного ценза для членов парламента. Союз убежден, что до тех пор, пока просвещенные представители производительных классов общества не обретут права заседать в Палате общин парламента с тем, чтобы выражать интересы трудового народа, рабочие никогда не добьются для себя справедливого законодательства»⁵³. Таким образом, ротондисты добивались не прав человека вообще, но «прав и свобод человека труда»⁵⁴.

⁴⁹ Морган А. Л., Тейт Дж. История английского рабочего движения. М., 1959, с. 86.

⁵⁰ British Working Class Movements, p. 220.

⁵¹ Poor Man's Guardian, 1831, Mar. 3.

⁵² Lovett W. Op. cit., vol. 1, p. 74.

⁵³ Poor Man's Guardian, 1831, May 27.

⁵⁴ Ibid.

Программа Союза вызвала бурю возмущения среди буржуазных реформаторов. Ф. Бэрдету казалось чудовищным утверждение, будто «существует классовое деление и классы имеют различные интересы»⁵⁵. На Союз ополчились Ф. Плейс, Р. Карлейль, а после того как в апреле 1832 г. «Пуар мэн гардиан» опубликовал руководство по тактике уличных боев⁵⁶, правительство тоже стало проявлять повышенный интерес к Союзу, засылая в него шпиков.

Расхождения ротондистов с буржуазными радикалами были очевидными и, на наш взгляд, настолько непримиримыми, что, пожалуй, мы вправе говорить о размежевании сил в радикальном движении.

Но насколько существенными были разногласия членов Союза с оуэнистами по вопросам классовой борьбы? Вернемся еще раз к «Задачам Союза». Пункт седьмой гласит: «Содействовать миру и согласию всех классов нации, руководить общественным мнением, направляя его к сплоченным, ненасильственным и законным действиям»⁵⁷. Итак, с одной стороны, осознание особых интересов трудящихся, с другой — согласие классов, т. е. позиция, полностью совпадающая с доктриной оуэнистов. К примеру, на 3-м Конгрессе кооператоров (апрель 1832 г.) Уильям Пэйр заявил: «Кое-кто говорит о единстве интересов низших и средних классов. Ложь! Подобного единства нет. Средние классы, капиталисты, заинтересованы в том, чтобы купить труд как можно дешевле, в интересах же рабочих продать его как можно дороже»⁵⁸. Пэйр лишь высказал то, о чем несколькими годами раньше писали У. Томпсон, У. Кинг, Г. Маккормак и другие оуэнистские публицисты и что стало для последователей Оуэна непреложной истиной. Д. Финч, выражая их мнение, утверждал, что «всякий член общества почитаем, достоин уважения и почестей только в прямой зависимости от необходимости и полезности труда, которым он занимается»⁵⁹. Бедственное положение наиболее полезных членов общества — трудящихся — и было той несправедливостью, устранить которую намеревались оуэнисты. Но, чувствуя противоположность своих интересов интересам капиталистов, рабочие не понимали и, в силу объективных условий, не могли понять ее непримиримости. Данному уровню классового сознания и соответствовала вера оуэнистов в заинтересованности всех, «от короля до беднейшего крестьянина»⁶⁰, в изменении существующего порядка. Эту веру разделяли и ротондисты, и даже самые решительные вожди тред-юнионов⁶¹. Правда, оуэнисты не слишком полагались на добровольное присоединение имущих классов к борьбе за «новый нравственный

⁵⁵ British Working Class Movements, p. 225.

⁵⁶ Poor Man's Guardian, 1832, Apr. 12.

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ Report of the Proceedings, p. 56.

⁵⁹ Ibid., p. 13.

⁶⁰ Ibid., p. 100.

⁶¹ Pioneer, 1833, Sept. 14.

мир». В их публикациях нередко звучали предостережения, подобные высказанному Ловеттом на Конгрессе кооператоров: «Пусть остерегаются те, кто живет не ради людей, а за счет людей: справедливый гнев угнетенного народа подобен извержению вулкана»⁶².

В документах Союза встречается немало взаимоисключающих суждений. К примеру, в июле 1831 г. «Пуар мэн гардиан» утверждает: «Равенство, никакой собственности, которая есть источник неравенства, а неравенство — источник всей нищеты, всех преступлений, всех злобных чувств, которые существуют. Наш клич: „Долой собственность, никакой собственности!“»⁶³. А принятая месяцем раньше «Декларация...» провозглашала: «Всякая собственность (честно добытая) священна и неотчуждаема»⁶⁴. В этой явной непоследовательности усматривается логика оуэнизма. Строй, основанный на общности имущества, был конечной целью сторонников Оуэна. И, однако, Мэрриот в полном согласии с мнением своих единомышленников указывает: «Мы не левеллеры, мы не намерены лишать кого бы то ни было даже малейшей части его собственности»⁶⁵. Оуэнисты полагали, что, объединившись, трудящиеся смогут своим трудом добыть средства, необходимые для устройства коммун. Следовательно, им нет необходимости в чужом имуществе. Быть может, ротондисты видели иной путь к социальному равенству? Нет. «Мир достигнет счастливого состояния общества лишь через посредство общин», — убеждает Ловетт⁶⁶. Д. Уотсон, один из вождей Союза, отзывался о «кооперативной системе Оуэна» как о «земле обетованной»⁶⁷. Более того, в декабре 1831 г. Союз уведомил о намерении создать общину для тех из своих участников, которые оказались безработными⁶⁸. Может возникнуть вопрос: если ротондисты в принципе принимали оуэновский план «поселков единений» и Рабочих базаров, то почему это не отразилось в их программе? Ответ, по-видимому, простой: устройством общин и базаров они занимались, выступая в качестве членов «кооперативных» организаций.

Не вызывает сомнений то, что представления участников Союза о современной социальной системе и о справедливом строе соответствовали взглядам большинства оуэнистов. Даже Г. Гетерингтон и О'Брайен, далеко не во всем соглашавшиеся с Оуэном, тем не менее открыто признавали себя его учениками⁶⁹.

Но хотя Гетерингтон и его единомышленники считали себя последователями Оуэна, не становились ли политические воззрения непреодолимой гранью, отделявшей их от других сторонников

Оуэна? Ведь, судя по некоторым исследованиям, оуэнисты всячески избегали затрагивать проблемы политических и демократических свобод. В упоминавшейся нами знаменитой статье Гетерингтона, среди прочих обвинений, предъявляемых «истинным» оуэнистам, было и такое: «Разве они каким-либо способом помогали установить свободную прессу или пожертвовали сбор хотя бы от одного из своих общественных вечеров в пользу бедных жертв тирании вигов?»⁷⁰. И так, еще одно доказательство полнейшего равнодушия оуэнистов к самым злободневным проблемам? Однако в списках жертвователей в Фонд свободной прессы, регулярно помещавшихся в «Пуар мэн гардиан», значатся имена многих видных оуэнистов, в том числе и тех, кто не разделял политических убеждений Гетерингтона: Д. Финча, У. Дэвиса, Т. Пауэлла⁷¹. Были взносы и от людей, скрывавшихся за псевдонимом «оуэнист»⁷². Фонду помогали и целые оуэнистские общества: Лондонская кооперативная миссия, Кооперативное общество портных, Первая Лондонская кооперативная ассоциация⁷³. К борьбе за отмену «налога на знания» призывали некоторые делегаты конгрессов оуэнистов⁷⁴, Британская ассоциация по распространению кооперативных знаний⁷⁵. Свобода беспрепятственного выражения любых взглядов и убеждений была включена Оуэном в его «Всеобщий кодекс законов свободы человека»⁷⁶.

Обвинения Гетерингтона не были беспочвенными. Однако они, несомненно, относились лишь к части оуэнистов. Поэтому историк заранее обрекает свое исследование на ошибку, если в нем абстрактный оуэнист заслоняет собой реальных людей и вместо яркого многообразия идей появляется унылое единомыслие. В действительности же каждый оуэнист, оставаясь в общем русле движения, привносил в него свои собственные чаяния, свой собственный жизненный опыт, представления тех социальных слоев, к которым он принадлежал. Во многих вопросах, даже важных, он нередко придерживался своего мнения. Не были исключением и ротондисты. К примеру, они по-разному встретили Билль о реформе. У. Карпентер одобрял его, ибо полагал, что «билль подтверждает необходимость реформы как общий теоретический принцип и как уступку общественному мнению. Признание его неизбежно приведет ко всем желаемым изменениям в правлении»⁷⁷. Иначе отнесся к нему Г. Гетерингтон. «Билль, — писал он, — проведен в интересах „средних классов“ собственни-

⁶² Report of the Proceedings, p. 4.

⁶³ Poor Man's Guardian, 1831, July 11.

⁶⁴ Lovett W. Op. cit., vol. 1, p. 74.

⁶⁵ Report of the Proceedings, p. 19.

⁶⁶ Ibid., p. 88.

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ Poor Man's Guardian, 1831, Dec. 3.

⁶⁹ Holyoake G. J. 60 Years of Agitator's Life: Vol. 1, 2. 3rd ed. L., 1893. vol. 1, p. 102; Podmore F. Op. cit., p. 431.

⁷⁰ Poor Man's Guardian, 1832, Jan. 14.

⁷¹ Ibid., 1831, Aug. 20, 27.

⁷² Ibid., Dec. 10.

⁷³ Ibid., Aug. 20.

⁷⁴ Report of the Proceedings, p. 40, 48.

⁷⁵ Poor Man's Guardian, 1831, July 30.

⁷⁶ Report of the Proceedings, p. 101.

⁷⁷ Poor Man's Guardian, 1831, Dec. 3.

ками. Тщетны надежды угнетенных рабочих получить от него хоть что-нибудь»⁷⁸.

Оуэнисты, за немногим исключением, восприняли билль весьма скептически. «Не будем ... надеяться,— подчеркивал Оуэн,— что принятие билля о реформе приведет к великой перемене, которой требует теперешнее состояние общества и которая неизбежна вследствие страданий и гнета, испытываемого трудовыми классами»⁷⁹. Того же мнения были и многие делегаты 3-го Конгресса кооператоров (Хэрст, Пэйр, Мэрриот, Финч и др.)⁸⁰. Сравнение оценок билля Гетерингтоном и Оуэном показывает, что для них критерием служила та выгода, которую дает трудящимся реформа. Этим же критерием оуэнисты пользовались, давая оценку политическим институтам в целом. Во все века, при любой форме правительства, утверждал Э. Пэйр, «трудящиеся миллионы всегда оставались рабами кучки бездельников»⁸¹. Выражая мнение многих ротондистов, Ловетт пояснял: «Хотя мы и полагаем, что возможны перемены, ведущие к более совершенной правовой и законодательной системе, но в то же время мы считаем, что до тех пор, пока не будут приняты меры, позволяющие человеку работать ради человека, а не против него, положение трудящихся классов никогда существенно не улучшится, даже при самой совершенной форме правления, которую только можно предусмотреть»⁸². Бессмысленность политической реформы, не влекущей за собой социальных изменений, была очевидна и оуэнистам, и ротондистам.

Совпадение взглядов на такие коренные вопросы, как положение трудящихся, частная собственность, будущее устройство справедливого общества, свидетельствует: ротондисты оставались последователями Оуэна. Однако, подобно тому, как в 20-е годы У. Томпсон, У. Кинг и другие ученики Оуэна дополнили его теорию обоснованием роли трудящихся в преобразовании существующего строя, так и ротондисты не отрекались от оуэнизма, но сделали еще один шаг вперед, соединив его с задачами политической борьбы рабочих. «Трудящиеся классы должны завоевать права человека прежде, чем они завоюют права рабочего»,— утверждал Б. О'Брайен⁸³. До тех пор пока трудящиеся не будут представлены в парламенте, планы Оуэна не будут осуществлены, доказывал Г. Гетерингтон⁸⁴. Ту же мысль внушали своим товарищам Д. Уотсон и Б. Уорден⁸⁵. Заслуга этих людей, пробуждавших классовое сознание рабочих, несомненна. Во многих отношениях ротондисты превзошли основную массу оуэнистов. Но

⁷⁸ Ibid., Sept. 24.

⁷⁹ Оуэн О. Об изменении общественного устройства.— Избр. соч. М.; Л., 1950, т. 1, с. 319.

⁸⁰ Report of the Proceedings, p. 11, 31, 57, 100.

⁸¹ Ibid., p. 31.

⁸² Poor Man's Guardian, 1831, Apr. 29.

⁸³ Ibid., Dec. 24.

⁸⁴ Ibid.

⁸⁵ Report of the Proceedings, p. 71.

говорит ли это о том, что последние по-прежнему топтались на месте, чуждались политики, уповая на помощь правительств, оставаясь безучастными к политической несправедливости? Когда возникает подобный вопрос, в пример обычно приводят Роберта Оуэна. Не коснуться роли Оуэна в движении его последователей представляется невозможным.

Говоря о ней, трудно дать однозначное определение. Слишком непростой, противоречивой личностью был Оуэн. «Складным футом легко мерить с большой точностью холст, но очень неудобно прикидывать на него сидеральные пространства»,— писал А. Герцен, протестуя против попыток биографов отделить мудрость Оуэна от его чудачеств, разложить его характер на составные части⁸⁶. Поступки и сочинения Оуэна порой сочетают в себе несочетаемое. Compliments власть имущим перемеживаются с угрозами в их адрес, тонкий, холодный расчет с дерзким вызовом общественному мнению. К примеру, на 3-м Конгрессе кооператоров он без обиняков заявил, что порой деспотия лучше, нежели демократия⁸⁷.

Судя по отзывам людей, знавших его, он казался на редкость бесхитростным. Но оставался человеком «в себе». Для своих сторонников он был Учителем,— более того, хранителем некоего Откровения. Обращаясь к слушателям, Оуэн говорил пространно, искренне, казалось бы, ничего не утаивая, но вместе с тем остается ощущение: есть некая истина, открытая ему, но неведомая другим. В своих выступлениях он каждый раз словно приоткрывает завесу, но чуть-чуть придерживает ее, как бы давая понять, что главная истина впереди. Таким его воспринимали и ученики. Недаром У. Томпсон спрашивал Оуэна, неужто его знание уйдет из мира вместе с ним⁸⁸. Между Оуэном и его последователями всегда сохранялась дистанция, отделяющая учителя от несведущих учеников. Он и по возрасту был гораздо старше их. В 1831 г. ему было 50 лет, большинству из тех, о ком мы говорили, не было 30. Эта дистанция, по-видимому, увеличивалась, когда ему приходилось иметь дело с рабочими. В 1810-е годы, по его собственному признанию, они были людьми чуждыми ему⁸⁹. Он не знал их и не верил в них. Невежественные, порочные жертвы несправедливости, могли ли они постичь глубинный смысл его учения? Однако десятилетие спустя встречается со своими последователями из рабочей среды, он убеждается: именно они-то и усвоили его систему. Правда, он приписал это не своему прежнему познанию рабочих, а их просвещению. В декабре 1833 г. он признает: «Помощь ... придет от самих рабочих классов: они одни страдают и они одни в состоянии осуществить преобразование. Я уже давно надеялся, что они покажут путь к реформированию общества, но они не понимали

⁸⁶ Герцен А. И. Былое и думы. Л., 1947, с. 629.

⁸⁷ Report of the Proceedings, p. 54.

⁸⁸ Ibid.

⁸⁹ Owen R. Op. cit., vol. 1, p. 221.

своих истинных интересов Однако мое посещение провинции убедило меня в очень сильном росте среди них здоровых и полезных знаний»⁹⁰ Поверив в трудящихся Оуэн тем не менее не разуверился в высших классах Аристократия гораздо лучше знакома с его системой, чем можно предположить, убеждал он своих сторонников на 3-м Конгрессе⁹¹ Возможно, в доброжелательном отношении к себе многих представителей знати ему удалось сочувствие к его идеям Но, как бы то ни было, представления Оуэна об отношениях классов находились на том же уровне, что и представления большинства его учеников

Некоторые авторы⁹² доказывают, что пока Оуэн пребывал в «Новой Гармонии», оуэнизм добился быстрых успехов. Стоило ему вернуться, и плавное развитие оуэнистского движения начало совершать причудливые зигзаги, ибо Оуэн «был неспособен на последовательное руководство»⁹³, его «благотворительный деспотизм» отталкивал рабочих⁹⁴ Думается, подобное мнение не справедливо Наивысший расцвет оуэновского движения приходится на 1830—1834 гг В немалой степени тому способствовали известность и слава Оуэна, создававшие известность и его учению Был ли он нетерпим к отклонениям от буквы своего учения? Мы уже имели возможность убедиться, что немало последователей позволяло себе не соглашаться с ним в тех или иных вопросах Боролся ли Оуэн с проявлениями подобного инакомыслия?

3-й Конгресс кооператоров принял крайне любопытную резолюцию: «Так как кооперативный мир состоит из людей всех религий и всех политических партий, постановлено, что кооператоры как таковые, вместе или порознь, не принадлежат ни к какому политическому, религиозному или антирелигиозному учению, будь то учение Оуэна либо другое»⁹⁵ По утверждению английского историка А Боннера, резолюция свидетельствует о неподчинении трудящихся диктату Оуэна, о стремлении избавиться от его руководства⁹⁶ Все это выглядело бы веско, если бы ее автором не был сам Оуэн Внося ее, он, однако, не признавался тем самым в неспособности ввести единомыслие среди своих последователей Она вполне отвечала его убеждениям и поступкам «Если мы не можем примирить все мнения, давайте примирим сердца» — таков был девиз, избранный им для газеты «Кризис» Принципа, изложенного в резолюции, придерживались

⁹⁰ Оуэн Р Лекция в Учреждении на ул Шарлотты — Избр соч, г. 4, с 340—341

⁹¹ Report of the Proceedings p 94

⁹² Podmore F Op cit, Cole G D H Life of R Owen L, 1966

⁹³ Garnett R Owen and the Community Experiments — In Owen R Prophet of the Poor Lewisburg, 1971, p 53

⁹⁴ Cole G D H Op cit, p 7

⁹⁵ Report of the Proceedings, p 100

⁹⁶ Bonner A British Co operative Movement Manchester, 1961

многие оуэнистские общества⁹⁷ Не случайно ее избрали эпиграфом к отдельному изданию отчета о 3-м Конгрессе Наконец, она отражала важную особенность оуэнизма, мечта о новом нравственном мире объединяла людей, участвовавших и в радикальном, и в тред юнионистском и других общественных движениях Более того, священник Т Макконел уверял, что достижение оуэновского идеала есть то благое дело, в котором, отбросив богословские распри, священнослужители всех вероисповеданий призваны сотрудничать⁹⁸ Таким образом, вряд ли можно говорить о полной тождественности взглядов Оуэна и оуэнистов и доказывать их аполитичность ссылаясь на воззрения родоначальника учения

Оуэн, действительно, полагал, что важнее не то, какое правительство стоит у власти, а можно ли рассчитывать на его помощь в проведении социальных преобразований Однако он не был сторонником деспотии и фразу о ее предпочтительности бросил, скорее всего, в полемическом запале Похоже, он все таки понимал преимущества демократии, ибо в феврале 1825 г, обращаясь к Конгрессу США, утверждал «достижение политической свободы является необходимым шагом к достижению подлинной умственной свободы»⁹⁹.

Далеко не все оуэнисты были безучастны к формам правления Так, преподобный А Уэйд убеждал, что долг народа — уничтожить любую деспотическую власть¹⁰⁰ Многие делегаты 3-го Конгресса кооператоров настаивали, чтобы в «Обращении к правительствам» было указано на пороки существующих политических институтов¹⁰¹ Большинство участников конгресса, в том числе и ротондисты (Б Уорден, У Бенбоу, У Ловетт, Уоткинс, Симпсон), не возражали против принятия «Обращения», хотя и не скрывали, что не разделяют надежд Оуэна на содействие со стороны правительства «Правительства не в состоянии произвести перемены, которые должны быть произведены самим народом» — заявил Т Херст¹⁰² Спустя два года Оуэн был вынужден признать правоту своих учеников «Опыт многих лет, — сказал он, — убедил, что было бы совершенно бесполезно ждать что-нибудь от правительств, они представляют собой власть, ничего не производящую, и считают, что им выгодно держать работающие классы в рабстве, поскольку власть так рассуждает, она не будет руководить освобождением»¹⁰³

Итак, за два года отношение Оуэна к правительству резко изменилось Что же произошло за это время? Согласно устояв-

⁹⁷ London Co operative Association Its Objects and Laws L 1829, McCormac H Worlds of Wisdom Armagh, 1830

⁹⁸ Report of the Proceedings, p 77

⁹⁹ Morton A L Life and Ideas of R Owen 2nd ed N Y 1969, p 153—154

¹⁰⁰ Report of the Proceedings p 79

¹⁰¹ Ibid, p 107

¹⁰² Ibid p 57

¹⁰³ Оуэн Р Речь в Учреждении на ул Шарлотты — Избр соч, т 1, с. 349.

шмелюса в историографии мнению, после принятия Билля о реформе рабочие, разочаровавшись в политической борьбе, примыкают к оуэнизму, движение пополняется новыми участниками, но в то же время усиливается его аполитичность. На наш взгляд, происходило обратное. Реформа, ничего не давшая трудящимся, была еще одним и очень веским подтверждением того, что их интересы коренным образом расходятся с интересами буржуазии. Растет понимание того, что, лишь сплотившись, рабочие сумеют обрести свои права. Оуэнизм, еще в 20-е годы проповедывавший необходимость союза всех трудящихся, становится идеологией сотен тысяч рабочих. Вместе с тем приток в оуэнистское движение новых сил не мог не отразиться на его теории. Все большее число оуэнистских публицистов приходит к осознанию существующей политической власти как силы, противостоящей и даже враждебной усилиям и чаяниям трудящихся. Видимо, поэтому конгресс 1832 г. был, по сути дела, последним оуэнистским конгрессом, на котором принималось обращение к правительству. Обращения последующих конгрессов имели других адресатов и иную окраску.

В октябре 1833 г. оуэнисты, проводившие свой очередной конгресс, приняли два послания, ни одно из которых, насколько нам удалось установить, не привлекло внимания исследователей. Первое — «К друзьям счастья во Франции» — было передано У. Хорпу, которому поручалось установить в Париже связи с обществами, отстаивающими близкие к оуэнистам взгляды. В нем, в частности, говорилось: «Человечество глубоко обязано французам, ибо ваши писатели указали путь к свободе. Наши сердца бились в унисон с вашими во время вашей борьбы за свободу, мы скорбели вместе с вами, когда эта борьба закончилась поражением. Французы! Враги свободы сколотили союз, лицемерно именуемый Священным, против свободы человечества. Пусть же друзья свободы сплотятся в свой Священный союз для ее защиты»¹⁰⁴.

Второе послание — «собратьям-рабочим США», написанное священником из Уэйкфилда Данном, было поручено доставить в Нью-Йорк сыну Р. Оуэна Р. Д. Оуэну. Послание гласило: «Нам приходится бороться не только за восстановление своих социальных, но и политических прав... Билль о реформе — образчик политического шарлатанства. Пусть только производительные классы Америки, Англии и Франции добьются преобладания в правительствах своих стран — и дни деспотизма будут сочтены: рабочий люд возьмет в свои руки все свои дела и преобразует все социальные и политические институты»¹⁰⁵. Оба послания свидетельствуют о несомненной радикализации оуэновского движения. Видимо, сама логика борьбы побуждала многих сторон-

ников Оуэна двигаться по пути, проложенному ротондистами. И это еще раз подтверждает: образование Национального союза трудящихся и иных классов не было проявлением раскола в оуэнизме, но первым признаком новой, поступательной тенденции его развития. Приведенные документы, кроме того, со всей очевидностью показывают, как на определенном этапе становления классового сознания трудящихся зарождаются идеи международной солидарности рабочих.

После 1832 г., окрыленные ошеломляющими успехами движения, которое в 1834 г. объединяло около полумиллиона человек, оуэнисты открывают для себя невиданную перспективу: устранение социальной несправедливости не только на Британских островах, но и во всем мире. Стремлением к всемирному перевороту был вызван к жизни еще один интереснейший документ, пространную выдержку из которого мы позволим себе привести: «1. Прогрессивный подоходный налог, не превышающий в сумме потребностей разумно устроенного правительства. 2. Отмена всех прочих налогов, пошлин и сборов, взимаемых государством, графством и приходами. 3. Свободное и охраняемое законом право выезда и въезда во все страны, беспрепятственный обмен изобретениями и товарами между всеми нациями. 4. Прекращение войн, разрешение всех разногласий между нациями ежегодным конгрессом, проводимым поочередно в разных странах. 5. Ничем не ограниченная свобода выражения внутренних убеждений. 6. Не должно существовать государственных религий, ни одно вероисповедание не должно насаждаться мирскими средствами, но все в равной степени должны охраняться правом на свободу совести. 7. Государство заботится о научном, физическом, умственном и нравственном образовании всех тех, кто по каким-либо причинам не может получить иным путем хорошего образования... 8. Государство обеспечивает работой всех тех, кто не может найти производительного или выгодного занятия... 10. Государственные мероприятия, незамедлительно предоставляющие выгодные занятия безработным и бедным, создание условий, которые исправят их привычки и чувства и обеспечат им благополучие и счастье... 13. Изменение порочных и пагубных условий жизни производительных классов... 14. Существующая частная собственность всех индивидов, приобретенная и удерживаемая во владении в силу обычной и практики старого общества, должна считаться неприкосновенной до тех пор, пока собственники не осознают, что она совершенно бесполезна и не обладает меновой или потребительной стоимостью, ибо богатство будет легко производиться для всех и в избытке. Таким образом, уничтожатся побуждения к накоплению частных богатств... 15. Повсеместное установление справедливых прав для обоих полов. 16. Конгресс наций должен избрать какой-нибудь один язык, которому будут обучаться все дети в каждой стране, в дополнение к своему родному языку. 17. Как можно скорее Сыстрое принятие мер, при-

¹⁰⁴ Crisis, 1833, Oct. 19.

¹⁰⁵ Ibid.

званных положить конец всякой личной и национальной конкуренции, которая признана ныне бессмысленной и псущей неисчислимы бедствия всем классам»¹⁰⁶.

Документ, который мы привели, именуется Хартией прав человечества. Он был принят на одном из собраний рабочих 12 февраля 1834 г. Хартия вобрала в себя идеи радикализма, некоторые положения оуэновского учения и на этой основе предлагает принципы совершенного миропорядка, новых отношений не только между людьми, но и между нациями, т. е. справедливую социальную систему, охватывающую весь земной шар. Автором хартии Г. Шлютер называет Б. О'Брайена, одного из наиболее ярких вождей Национального союза, а впоследствии чартизма. «Хартия, — пишет Шлютер, — представляет собой своего рода программу, которая в основном воспроизводит требования, отстаивавшиеся О'Брайеном в бытность его редактором «Защитника бедняка»¹⁰⁷. Шлютер заблуждался. Автором Хартии был Р. Оуэн. Именно он огласил на собрании ее текст, предупредив слушателей: «Все вы несомненно слышали о Великой Хартии, пожалованной королем Иоанном, которую мы могли бы с полным основанием назвать хартией нетрудовых классов. Настало время принять Великую хартию и для производительных классов»¹⁰⁸. Чем же вызвана ошибка столь добросовестного историка, как Шлютер? Дело в том, что О'Брайен опубликовал хартию в приложении к своему переводу «Заговора равных» Буонаротти. Думается, О'Брайен вряд ли бы напечатал хартию, если бы она не соответствовала его взглядам.

Ошибка Шлютера, на наш взгляд, еще раз подтверждает: после 1832 г. происходит заметное сближение позиций значительной части оуэнистов и ротондистов в вопросах политической борьбы. В ноябре 1832 г. в «Пуар мэн гардиан» была опубликована статья «Радикализм и оуэпизм», в которой автор призывал к сплочению сторонников этих двух течений, ибо и те, и другие защищают права трудящихся¹⁰⁹. В 1832—1834 гг. этот процесс вел ко все более тесному единению всех сил, составлявших оуэнистское движение. Высшим достижением подобного единения было образование Великого национального союза производств.

Таким образом, полемика «Пуар мэн гардиан» и «Кризиса» — быть может, самая броская, но не главная сторона их отношений. Начало 30-х годов XIX в. — период быстрого пробуждения классового сознания трудящихся Англии. Это было время проб и ошибок, теоретических поисков, обогащавших оуэнизм. Программы оуэнистов начала 30-х годов — вершина развития оуэновской

теории. Попытки преобразовать общество, согласно представлениям утопического социализма Оуэна, закончились и не могли не закончиться неудачей. Но, пожалуй, эта неудача была одним из важнейших успехов рабочего движения Англии, ибо она убедила многих в несовершенстве планов Оуэна и побудила их искать иные пути к социальному равенству. Есть любопытная зарисовка подобного человека. В 1833 г. А. Токвиля, путешествующего по Англии, поразило выступление одного рабочего. «Почти никогда за всю свою жизнь, — писал Токвиль, — я не был так захвачен словами, как в тот вечер, слушая этого человека из народа»¹¹⁰. Оратором был упоминавшийся нами Даффи. Можно лишь поразиться проницательности Токвиля, предрекшего: «В нем я увидел провозвестника тех революционеров, которые призваны в не столь отдаленном будущем изменить облик Англии»¹¹¹.

¹⁰⁶ Ibid., 1834, Mar. 1. Другие переводы см.: *Оуэн Р.* Избр. соч., т. 1, с. 351—355; *Шлютер Г.* Указ. соч., с. 385, 386.

¹⁰⁷ Там же, с. 68.

¹⁰⁸ Crisis, 1834, Mar. 1.

¹⁰⁹ Poor Man's Guardian, 1832, Nov. 3.

¹¹⁰ Tocqueville A. Voyages en Angleterre, Irlande et Suisse. P., 1958, p. 16.

¹¹¹ Ibid.